

Сложным является вопрос об эпилоге, где каторга представлена как какое-то пространство, находящееся за пределами исторических связей, воскрешающее какой-то древний, ветхозаветный мир.

Повторим, Достоевский не был богословом, многие специальные религиозные вопросы не обсуждаются им прямо и уж тем более не имеют определённых ответов. Конечно, старшеклассник с удовольствием порассуждает на все эти темы, независимо от своих религиозных убеждений, — надо только следить, чтобы урок литературы не превращался в урок богословия.

Насколько необходим ученикам серьёзный комментарий к часто встречающимся словам или понятиям, имеющим отношение к Библии? Наверное, не в большей степени, чем любой другой реальный комментарий. Он есть в любом солидном издании романа, там сомневающийся учитель может посмотреть, что такое Вавилон или Содом. Однако не стоит обращаться к изданиям, в которых составители излишне увлечены комментированием библейской символики. Так, довольно трудно объяснить, почему фамилия семейства, проживающего по соседству с Соней, — Капернауовы, и встречающиеся попытки сделать это обычно выглядят откровенной натяжкой. Не надо искать глубокой символики в том, что поручик Порох называет дом, где живёт старуха процентщица, Ноевым ковчегом. Конечно, важно, что фамилия Раскольников — Раскольников, но вряд ли стоит приветствовать нелепые комментарии, например, что Пётр Петрович Лужин — дважды камень (“пётр” по-гречески — камень), но всё время садится в лужу. Алёна по-гречески — светлая. Иван — дающий благодать. Но почему старухе процентщице дано такое имя — Алёна Ивановна — невозможно объяснить. Иногда исследователей подобные попытки заводят далеко: так, утверждается, что только неверующий сможет осудить старуху, завещавшую все свои деньги в монастырь. То есть ей-де свойственны и страх Божий, и покаяние. Однако и в мире верующих всегда были и есть ханжи и лицемеры, образ старухи, укусившей за палец свою сестру и жертвующей деньги на монастырь, прочитывается однозначно. Никаких намёков, что она могла бы быть приличным человеком, в романе нет (такие намёки встречаются при характеристике многих заведомо “отрицательных” персонажей, как Ламберт в «Подростке», Лебедев в «Идиоте», капитан Лебядкин или Федька Каторжный в «Бесах»).

Отдельный вопрос — это комментарий календаря и церковных праздников. Известно, что “воскресение” Раскольникова происходит весной, когда празднуется православная Пасха. Здесь связь

несомненная. Однако Достоевский не ограничивается указанием только на Пасху, он называет недели, называет дни пасхальной недели или неделю Великого поста, легко выяснить, какие службы читаются в эти дни в церкви, о чём на них говорится. Всё это перекликается с проблематикой романа. Но надо учитывать, что поскольку в церкви часто говорится и о грехах, и о необходимости веры, и о страхе Божиим, то здесь опять-таки высока вероятность простого совпадения.

Очень трудно в архетипическом мышлении Достоевского определить, где христианское, а где общечеловеческое. Свидригайлов кончает жизнь во время наводнения. Что это — библейская символика? Вряд ли.

Итак, следует сохранять объективность, не делать из Достоевского большего роялиста, чем король, недопустимо навязывать ученику собственную концепцию, своё прочтение романа, когда, как мы видим, многое остаётся спорным. Автор научной статьи может позволить такое высказывание, как следующее: “Если бы мы захотели узнать диагноз человечества нового времени, то этот диагноз уже установлен. Его поставил Достоевский самым точным и смелым образом, как никто до него этого не сделал. Диагноз следующий: вера человека в самого себя — это самая опасная болезнь, которой смертельно болеет европейское общество”. Однако вряд ли всякий педагог рискнёт заявлять, что вера человека в себя — самая опасная болезнь европейского общества.

Итак, комментируя библейские мотивы в романе «Преступление и наказание», необходимо сохранить равновесие и столь же подробно комментировать отражённые в нём идеи утопического социализма, позитивизма, факты современной писателю уголовной хроники. Также нельзя забывать, что отношения его к религии были очень сложными.

Об этой сложности Достоевский не забывает напомнить, даже признаваясь в самой искренней и глубокой вере. “Мерзавцы дразнили меня необразованною и ретроградною верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в Инквизиторе и в предшествовавшей главе, которому ответом служит весь роман. Не как дурак же, фанатик, я верую в Бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием. Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешёл я. Им ли меня учить”. “Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла, как говорит у меня же, в том же романе, чёрт”.

Эта ссылка на чёрта знаменательна. А чёрт говорит: “Я ведь знаю, в конце концов, я помирюсь... и узнаю секрет”.